

УДК 130.2

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ КАК ТЕМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Иванова Р. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

В статье обозначена актуальная тенденция развития современной философской антропологии. Вследствие общемировой интенсификации коммуникативных процессов усиливается значение такой антропологической универсалии, как человеческая коммуникативность. Это с необходимостью обуславливает размещение коммуникации в исследовательском фокусе. Обосновано включение коммуникации в предметное поле философско-антропологического дискурса. Выделена специфика исследования коммуникации в контексте философской антропологии. Изучение человека и, в частности коммуникации как выходящей на передний план антропологической универсалии, узкоспециализированными науками не является достаточным в силу их неспособности к интеграции полученных аспектных данных в рамках единого дискурса о человеке. Исследования коммуникации проанализированы с точки зрения предметно-методологического инструментария выхода из теоретических затруднений соответствующей области.

Ключевые слова: коммуникация, исследования коммуникации, философская антропология.

Социокультурная жизнь в XX–XXI веках сопровождается быстрыми и основательными переменами. Вследствие активизации глобальных процессов – завершения эпохи колониализма, формирования новых отношений между политически самостоятельными государствами, интенсификации модернизации после Второй мировой войны, роста урбанизации – претерпевают существенные трансформации области философского и научного знания. Во второй половине XX века предметом обсуждения научным сообществом стала смена наличествующего комплекса принципов теоретического познания, который Т. Кун назвал парадигмой, а М. Фуко – эпистемой.

Рефлексия над методологическими основаниями познания привела к обнаружению несоответствия имеющихся научных средств накопившимся проблемам. В том числе и в философской антропологии. Фокус академического внимания поэтому закономерно сместился с исторической макродинамики к социокультурной микродинамике, основу которой составляет коммуникативное взаимодействие между людьми. С периферии в предметный центр стали перемещаться такие виды исследовательской активности, как построение теоретических моделей для организации и интерпретации фактов, которые

характеризуют активность людей, способы формирования и поддержания коммуникации разных видов, функциональные и динамические механизмы регулирования межличностного взаимодействия. Такой акцент на сфере коммуникативного закрепил в качестве актуальной для философской антропологии новую задачу – идентифицировать поддерживающие коммуникативное пространство структурные связи, прежде чем осуществлять следующий шаг – их погружение в ситуативный или общекультурный контекст. Однако несмотря на заметное продвижение в этом актуальном направлении, коммуникативные исследования пока слабо закреплены (в том числе и институционально) в предметном поле этой области философского знания. Цель данной статьи – обосновать принадлежность коммуникации к тематическому ядру философской антропологии. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

- выделить актуальную тенденцию в развитии современной философской антропологии;
- указать специфику изучения коммуникации в философско-антропологическом дискурсе;
- рассмотреть исследования коммуникации в качестве предметно-методологического средства выхода из основных теоретических затруднений философской антропологии.

При обсуждении задач претерпевающей изменения философской антропологии возникает проблема демаркации антропологического и неантропологического дискурсов. Сами специалисты-антропологи отмечают размытость термина «антропология», затрудняясь однозначно обозначить его объем и содержание [1, с. 38].

Современный антропологический дискурс активно формировался на протяжении XIX–XX веков такими мыслителями, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, М. Шелер, Х. Плеснер, П. Флоренский, М. Бахтин, Л.С. Выготский, Ж. П. Сартр, М. Фуко, Ж. Л. Нанси и другие. В истории становления антропологии справедливо выделяются такие периоды: этнологический (1800–1860); эволюционистский (1860–1895); исторический (1895–1925) [2, с. 476]. Этнологический период связан с увеличением объема этнографических данных в эпоху Великих географических открытий. Первые «этнологические» антропологи занимались анализом этнографической информации, сосредотачиваясь на непосредственном «полевом» изучении культур, в основном бесписьменных народов. Антропологи эволюционистского периода развития осуществляли попытки объяснить культурное разнообразие человечества предположением о том, что все культуры, как и отдельные их институты, претерпевают определенные стадии своего естественного постепенного развития – своеобразного аналога природной эволюции. Для исторического периода развития антропологии характерен акцент скорее на духовных образованиях, нежели на материальных артефактах, попытка принимать во внимание историческую обусловленность происходящих в человеке изменений. Далее становится сложно выделить какой-нибудь цельный моноидейный этап: единый философско-антропологический

дискурс становится дискретным, распадаясь на множество частных течений вроде семиотической или психоаналитической антропологии. Позднее вследствие активизации глобальных процессов (завершения эпохи колониализма, формирования новых отношений между политически самостоятельными государствами, интенсификации модернизации после Второй мировой войны, роста урбанизации) во все еще диффузной антропологии складываются предпосылки для специального исследования коммуникации и, соответственно, для возвращения утраченной целостности дискурса. В качестве ядра антропологических исследований прочно устанавливается тема коммуникации Я с суверенным Другим.

Как эмпирическая данность человек слишком сложен для изучения – предмет антропологии многоаспектен, вследствие чего возник целый спектр дисциплин антропологического толка, специализирующихся на изучении отдельных аспектов человека. Главной задачей философской антропологии является интеграция множества человеческих аспектов в единое целое. Следовательно, философская антропология чаще всего справедливо определяется как область знания о человеке в целом, в рамках которой изучаются и вопросы о его происхождении и связях с окружением, и созданный им искусственный мир, и организация взаимодействия и коммуникации людей. Эти аспекты человеческого существования сохраняют актуальность и сегодня [3, с. 18–19]. Таким образом, далее в тексте под философской антропологией будет пониматься рефлексия над частнонаучными программами изучения человека.

Частные науки о человеке преследуют иные, более узкие, хотя и очень важные, цели. Этот нюанс метко подчеркивает российский философ-антрополог Аванесов С. С., утверждая, что в радиус обзора микроскопа частной науки весь человек не «вмещается», «вмещаются» только его детали [1, с. 38]. Например, в биологии человек рассматривается как живой организм, хотя очевидно, что он не тождественен своему телу. Аналогичная ситуация складывается в психологии, которая отождествляет человека исключительно с его психикой [4, с. 130].

Философская антропология за период формирования претерпела значительные предметные изменения, обусловившие ее современное существование на трех уровнях:

- а) мегауровне, включающем в себя общие исследования глобальной и всеобщей истории человечества;
- б) макроуровне, состоящем из исследований строений отдельных обществ;
- в) микроуровне исследований межчеловеческого взаимодействия, коммуникации.

Некоторые авторы по-прежнему вытесняют микроуровень коммуникации на исследовательскую периферию – как нечто не входящее в классическое предметное поле философской антропологии, но то, что остается предметом социологии и социальной философии. Однако в реальном современном глобализирующемся мире роста и уплотнения коммуникативных связей без понимания устройства коммуникации понимание человека невозможно.

Кризис в философской антропологии означает, что накопилось большое количество вопросов, которые остаются без ответа [5, с. 109]. Логически и

тематически он связан с тотальной проблематизацией антропологических объяснительных конструкций классического типа, интерпретировавших человека как сущее, чье бытие детерминировано сущностью или субстанцией [6, с. 134]. Российский философ С. С. Хоружий пишет о том, что классическая европейская антропология предъявляет человеку понятие о его сущности или природе и предполагает, что человек конституируется в процессе актуализации своей сущности, будучи ею полностью детерминирован [7, с. 82]. Соответственно, антропология в широком смысле – учения различных философов о сущности, природе и назначении человека [8, с. 84] – потерпела неудачу, поскольку практиковала соотнесение человека с какой-либо сущностью и, становясь частью карательной социальной стратегии [9, с. 131], инициировала процесс расчеловечивания личности в ходе исторических катаклизмов XX века [10]. Э. Кассирер характеризует сложившееся кризисное положение философской антропологии следующим образом: «Основной целью всех этих теорий было обоснование единства и единообразия человеческой природы. Но если мы рассмотрим объяснения, которые пытались дать эти теории, то окажется, что единство человеческой природы весьма сомнительно. Каждый философ верил, что он нашел главную пружину и определяющую человеческую способность. Но характеризуя эту определяющую способность, все теории резко различаются между собой и даже противоречат друг другу» [11, с. 119]. Можно сказать, что в каждую историческую эпоху перед человеком возникает задача создать себе новую сущность; по словам Ландмана, «быть человеком – означает стать им, это бесконечный процесс самосоздания» [12, с. 76].

Упомянутый кризис свидетельствует о необходимости коррекции курса дальнейшего методологического развития и смены исследовательских акцентов в философской антропологии с учетом актуальных изменений человеческого существования, прежде всего – вследствие заметной интенсификации коммуникативных процессов, «коммуникативизации». Впереди – скачок, в котором сохранятся все свойства прежнего человеческого существования, но добавится новое качество, связанное с увеличением степени интеграции [13, с. 134].

Коммуникативные процессы активно изучаются с XX века, но теория коммуникации пока не выстроена. В фокус анализа помещаются взаимодействующие люди, что влечет за собой приоритет в исследованиях пространства intersubjectivity, которое одновременно как формируется коммуникантами, так и оказывает влияние на их дальнейшее поведение. Именно исследования коммуникации могут вывести философскую антропологию из кризиса. Мифическая сущность человека, на базе которой классические антропологи выстраивали теории человека, «компенсируется» именно онтологической коммуникацией, задающей и горизонт, и контекст человеческого бытия [1, с. 41]. Специфика и проблемность философско-антропологического исследования заданы как раз этим особым характером его предмета – имплицитностью и труднодоступностью динамично-коммуникативного способа существования человека.

На современном уровне социально-научного знания отношения человека с природным и искусственным окружением принято связывать с представлением о фундаментальных антропологических универсалиях – общечеловеческих врожденных свойствах, характеризующих фундаментальные связи человека с окружением [14, с. 172]. Неизбежность человеческого общежития, онтологически детерминированная социальность предполагают аналитику обусловленного данными свойствами модуса человеческого существования – коммуникации. Человек живет в со-общении с другим человеком: «человеческая природа определяется коммуникативной практикой» [15, с. 28], лежащей в основе формирования культуры как единственно возможного способа человеческого существования. «Глубочайшая сущность человека позволяет ему найти вполне удовлетворительное осуществление лишь в культуре и с культурой» [16, с. 50]. Поскольку коммуникативно-культурное пространство является естественной средой человеческого бытия и условием существования человека, постольку, утверждая коммуникативность человека, мы по необходимости имеем ввиду и то, что в предельном смысле нормальный человек коммуникативен не столько социально-поведенчески, сколько онтологически [17, с. 33]. Человек не рождается культурным – культуре обучаются как способу адаптации к окружению или как необходимому средству коммуникации и проявления себя [18, с. 197]. Посредством коммуникации происходит инкультурация человека и тесно с ней связанное освобождение человека от окружающей среды, сковывающей животное. Инкультурация тождественна выживанию: человек, в отличие от животного, в одиночестве выжить не способен, для него начало и продолжение жизни является чем-то социальным, таким, что должно осуществляться в связи с другими [12, с. 93]. Генезис и формирование человека с неизбежностью коммуникативно окрашены.

Существует распространенное мнение о том, что предметом философской антропологии является происхождение, история и содержание культуры. Это мнение институционально оформлено в «теоретическую антропологию». Теоретическая антропология – это синоним философии культуры, обозначающий исследования социальной организации, образа жизни, символических систем носителей определенных культур. Такие исследования сродни «теориям среднего уровня» в социологии, состоящим из обобщений, соединяющих практику и теорию – «теориям, находящимся в промежуточном пространстве между частными, но также необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающих в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных организаций и социальных изменений» [19]. Культура означает определенный способ бытия. В рамках теоретической антропологии не поднимаются вопросы об экзистенциальной реальности человека, обуславливающей его сущностную оригинальность. Сведение всей проблемы человека к описанию культуры означало бы невнимание к основной стороне вопроса о том, что определяет культурную сущность человека [18, с. 170]. Задачей же философской антропологии является поиск универсальных структурных связей между аспектами динамичной человеческой сущности. Антропология не становится

философской антропологией только по той причине, что ей уделяют внимание философы. Философской она становится тогда, когда формирует нейтральный тип человека, некоторую абстракцию, концепцию, являющуюся результатом мыслительной деятельности, – некий субъект, отличающий себя от объектов и способный вступать в диалог с другим человеком [18, с. 202].

Утверждение немецкого антрополога Э. Боша о том, что «как поле активности культура не только включает в себя и контролирует действие, но и постоянно трансформируется им, поэтому культуру можно рассматривать и как процесс и как структуру» [20], сохранит свою адекватность и в случае замены в нем понятия культуры на понятие коммуникации. Межличностное взаимодействие состоит из множества подвижных центров совместных действий коммуникантов, «узлов», вследствие чего обладает активной структурой. Различные участки этой структуры насыщаются повседневными действиями людей. Таким образом, совокупность организующих коммуникацию «узлов» и «междузловых» дистанций представляет собой сеть, заключающую в себе пространство межличностных взаимодействий, в рамках которого происходит их координация. Коммуникация одновременно является и структурой (организация пространства взаимодействия), и процессом (взаимная координация пространств действия каждого из коммуникантов). Процессуальный уровень концептуально корректно отображаем категориальным объединением события, поведения и действия, осуществляемых индивидом в определенном контексте с некой интенсивностью на некотором уровне компетентности и доверительности (речь идет о параметрах коммуникативной полноты). Структурность проявляется как концептуальное выведение из этих связей системы взаимозависимых характеристик, составляющих целостное представление о коммуникации.

В социальной философии коммуникация исследуется с позиций формирования ею устойчивых структур, поддерживающих социальную солидарность и массовые общественные процессы. Философская антропология ориентируется на исследования коммуникации как на исследования фактора, в исторической перспективе формирующего человека в разные времена и в разных условиях. То есть философская антропология выявляет и описывает не коммуникацию с позиций институциональных структур и функций (как социальная философия), не внутрииндивидуальные особенности коммуникации (как общая психология, на которую долгое время опиралась философская антропология), не образ коммуникативного взаимодействия людей в контексте природной и искусственной среды (как философия культуры), а устройство коммуникации как связи с другим, формирующей этих двоих, их очеловечивающей.

Тема коммуникации в философской антропологии не являлась центральной вплоть до последних десятилетий. Коммуникация изучалась социологами, но тоже не в качестве основной темы: активность индивида в социологическом и социально-философском контекстах связывалась, прежде всего, с действием. Однако отсутствие объясняющей характер коммуникативного процесса теории в качестве результата исследований индивидуальных действий продемонстрировало необходимость размещения проблематики коммуникативного взаимодействия в

предметном фокусе философско-антропологических исследований. Антропологический дискурс с самого начала своей истории до сегодняшних дней содержит базовое подразумеваемое представление о том, что бытие человека с необходимостью сопряжено с коммуникацией между людьми. Младенец не может стать человеком вне процессов коммуникации. Человек как «социальное животное» не способен выжить в одиночку – формой бытия человека является общество. Инкультурация человека осуществляется посредством коммуникации. Все эти антропологические характеристики сегодня гиперболизированы закреплением коммуникации в качестве основного параметра человеческого существования. Таким образом, в качестве актуальной тенденции развития современной философской антропологии можно выделить ее интенсивную коммуникативизацию и соответствующее размещение исследований коммуникации в ее тематическом фокусе.

Несмотря на свою полиаспектность, человек остается цельным явлением. В то же время частные науки фокусируются на изучении отдельных аспектов человеческого бытия, не интегрируя их в единое целое: преимущественно человек отождествляется с каким-либо своим измерением, от остальных частная наука с необходимостью абстрагируется. Соответственно, задачу интеграции человеческих характеристик и конструирование образа понимания человека берет на себя именно философская антропология. На фоне роста и уплотнения коммуникативных связей без понимания устройства коммуникации понимание человека невозможно.

В то же время для современной философской антропологии включение коммуникации в свое предметное поле имеет первостепенное значение в силу ряда обстоятельств:

1) Господствующего в антропологической теории онтологического допущения о социальности человека недостаточно для того, чтобы объяснить осуществление этой характеристики в контексте современности. Это указывает на своевременность обращения к изучению происходящих между людьми коммуникативных взаимодействий.

2) Об актуальности коммуникативного поворота в философской антропологии свидетельствует возрастающий интерес к межкультурным взаимодействиям и их последствиям в условиях глобализирующегося мира.

3) Наряду с обилием лингвистически окрашенных структуралистских и постструктуралистских разработок потенциал функционалистского подхода к изучению коммуникации остается нераскрытым в полной мере. Функционалистский акцент на связях между структурными единицами коммуникативного процесса позволит изучить предпосылки, условия и средства осуществления коммуникации с иных позиций.

4) Обращение к исследованию коммуникативного взаимодействия открывает новые горизонты в изучении социокультурной динамики. Предметом анализа становится прежде всего то, что происходит между людьми, а уже потом – в каких событиях произошедшее воплощается, какую значимость имеет для общего контекста.

5) Философско-антропологическая модель универсальна и потому равно применима к теоретическому описанию любых видов коммуникации (межкультурных, межгрупповых, межличностных), поскольку речь идет не об организационных или институциональных структурах, как в социальной философии или социологии, а о людях.

Список литературы

1. Аванесов С. С. Антропологический тупик // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – № 10. – С. 33–45.
2. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече; АСТ, 2003. – 511 с.
3. Орлова Э. А. История антропологических учений / Э. А. Орлова. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. – 621 с.
4. Ивонин Ю. П. Институционализация философской антропологии. Историко-философский аспект // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2006. – № 2. – С. 127–145.
5. Коковин И. С. Генезис антропологических концептов в философии: поиски предмета // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – № 10. – С. 107–114.
6. Коковин И. С. Современная антропология в России: вызовы и ответы // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2016. – № 11. – С. 133–145.
7. Хоружий С. С. Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии (к проблеме постчеловека) // Фонарь Диогена. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 928 с.
8. Гиренок Ф.И. Смена перспектив в философии человека // Человек.RU: альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – № 10. – С. 83–92.
9. Нанси Ж.-Л. Сегодня. Лекция, прочитанная в январе 1990 г. в Институте философии РАН в Москве // Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 123–150.
10. Смирнов С. А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода // С. А. Смирнов. – Новосибирск: НГУЭУ, 2010. – 491 с.
11. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке // Э. Кассирер. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.
12. А. Сервера Эспиноза Кто есть человек? Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1995. – 320 с.
13. Герасимов С. В. Некоторые тренды человеческого развития // Философские науки. – 2015. – № 3. – С. 133–137.
14. Орлова Э. А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. – 2011. – № 5. – С. 170–192.
15. Гутнер Г. Б. Личность и коммуникативная рациональность // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. X. – Вып. 3–4 (42–43). – С. 226–232.
16. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопр. философии. – 1992. – № 3. – С. 39–53.
17. Аванесов С. С. Личность как синергичная конституция // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 32–46.
18. Л. Фарре. Философская антропология // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1995. – 320 с.
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
20. Voesh E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – 1991. – 387 p.

Ivanova R. A. Communication Studies as a Thematic Focus of Contemporary Philosophical Anthropology // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 26–34.

The article outlines the actual trend of development of modern philosophical anthropology. Due to the worldwide intensification of communicative processes, the importance of such an anthropological universality

as human communicativeness is increasing. This necessitates the placement of communication in the research focus. The basis for the inclusion of communication in the subject field of philosophical-anthropological discourse is indicated. The specificity of the study of communication in the context of philosophical anthropology is singled out. The study of man and, in particular, communication as a foreground anthropological universal, highly specialized sciences is not sufficient because of their inability to integrate the received aspect data within the framework of a single discourse about a person. Communication studies are analyzed from the point of view of the subject-methodological tools out of the theoretical difficulties of the corresponding field.

Key words: communication, communication research, philosophical anthropology.

References

1. Avanesov S. S. Antropologicheskij tupik [The Anthropological Impass]. Novosibirsk, 2015, № 10, pp. 33–45
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii / B. I. Kononenko [The Big Culturology Dictionary]. Moscow, 2003, 511 p.
3. Orlova Je. A. Istorija antropologicheskikh uchenij [The Anthropology History Studies]. Moscow, 2010, 621 p.
4. Ivonin Ju. P. Institucionalizacija filosofskoj antropologii. Istorik-filosofskij aspekt [Philosophical Anthropology Institutionalization. The History of Philosophy Aspect]. Novosibirsk: NGUJeU, 2006, № 2, pp. 127–145
5. Kokovin I. S. Genezis antropologicheskikh konceptov v filosofii: poiski predmeta [The Anthropology Concepts Genesis in Philosophy: the Subject Searching]. Novosibirsk, 2015, № 10, pp. 107–114
6. Kokovin I. S. Sovremennaja antropologija v Rossii: vyzovy i otvety [The Contemporary Anthropology in Russia: Challenges and Reactions]. Novosibirsk, 2016. – № 11. – pp. 133–145
7. Horuzhij S. S. Transformativnaja antropologija glazami sinergijnoj antropologii (k probleme postcheloveka) [The Transformation Anthropology by Synergistic Anthropology Eyes (to the Problem of Post Human)]. Moscow, Progress-Tradicija, 2010, 928 p.
8. Girenok F. I. Smena perspektiv v filosofii cheloveka [The Changes of the Perspectives in Human Philosophy]. Novosibirsk, 2015, № 10, pp. 83–92
9. Nansi Zh.-L. Segodnja. Lekcija, pročitannaja v janvare 1990 g. v Institute filosofii RAN v Moskve [Today. The Lecture that Being Read in January, 1990 at the IF RAN, Moscow]. Moscow, Ad Marginem, 1994, pp. 123–150
10. Smirnov S. A. Chertov most. Vvedenie v antropologiju [The Devil Bridge. Introduction into Anthropology]. Novosibirsk, 2010, 491 p.
11. Kassirer Je. Izbrannoe. Opyt o cheloveke [The Selected. The Human Experiment]. Moscow, Gardarika, 1998, 784 p.
12. A. Servera Jespinoza. Kto est' chelovek? [Who is a Human?]. Moscow, Vyssh. shk., 1995, 320 p.
13. Gerasimov S. V. Nekotorye trendy chelovecheskogo razvitija [Some Trends of Human Development]. Novosibirsk, 2015, № 3, pp. 133 – 137
14. Orlova Je. A. Konceptii identifikacii/identichnosti: antropologicheskaja traktovka [The Conceptions of Identification: the Anthropological Interpretation]. Moscow, 2011, № 5, pp. 170 – 192
15. Gutner G. B. Lichnost' i kommunikativnaja racional'nost' [Personality and Communication Rationality]. 2008, Vyp. 3-4 (42-43), pp. 226–232
16. Lorenc K. Vosem' smertnyh grehov civilizovannogo cheloveka [The Eight Sins of Civilized Man]. Moscow, 1992, № 3, p. 39 – 53
17. Avanesov S. S. Lichnost' kak sinergijnaja konstitucija [Personality as a Synergetic Constitution]. Moscow, 2008, № 2, S. 32–46.
18. L. Farre. Filosofskaja antropologija [The Philosophy Anthropology]. Moscow, Vyssh. shk., 1995, 320 p.
19. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura [The Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006, 873 p.
20. Boesh E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology, 1991, 387 p.